

Просчеты советского военно-политического руководства накануне войны

В. А. Гаврилов*

По-прежнему не утихают споры по вопросу о том, почему гитлеровские армии смогли легко прорвать советскую оборону и оказаться у стен Москвы? Правильно ли за все роковые просчеты возлагать вину на одного человека — Сталина?

Казалось бы, советским руководством перед войной делалось все возможное и даже невозможное, чтобы подготовить страну и народ к суровым испытаниям. Была создана мощная материальная база, выпущены десятки тысяч единиц танков, самолетов, артиллерийских орудий и другой военной техники. Красная армия, несмотря на неудачную войну с Финляндией (хотя она велась в сложных зимних условиях и закончилась прорывом мощных железобетонных укреплений финнов), настойчиво училась воевать в условиях, максимально приближенных к боевым. Советская разведка, казалось, «докладывала точно» и все секреты Гитлера оказались на столе у Сталина.

Просчеты военного строительства

Количественные, а во многом и качественные показатели проделанной работы в СССР, особенно в области производства военной техники, были гигантскими. Если к концу 1920-х годов советские вооруженные силы располагали всего лишь 89 танками и 1394 самолетами (и то в основном иностранных образцов), то к июню 1941 г. они уже насчитывали почти 19 тыс. отечественных танков, среди них и первоклассный танк Т-34, а также более 16 тыс. боевых самолетов (табл.)¹.

Беда в том, что советское политическое и военное руководство не сумело разумно распорядиться созданными средствами вооруженной борьбы, и Красная армия оказалась неподготовленной к большой войне. Напрашивается вопрос: в чем же причины?

Бесспорно, что прежде всего — это установленный в 1930-е годы режим единоличной власти Сталина, при котором ни один, даже самый

Таблица

Численность Вооруженных Сил СССР, Германии и ее союзников к началу Великой Отечественной войны

Силы и средства	СССР	Германия и ее союзники						Всего
		Германия	Япония	Италия	Румыния	Финляндия	Венгрия	
Люди, млн	5,7	7,3	2,1	2,6	0,7	0,65	0,2	13,55
Орудия и минометы, тыс.	117,6	71,5	13,5	13,1	7,8	3,8	1,5	100,7
Танки, тыс.	18,7	5,6	2,5	2,4	0,2	0,086	0,1	10,88
Боевые самолеты, тыс.	16,0	5,7	2,5	2,4	0,7	0,3	0,3	11,9

* **Виктор Александрович Гаврилов** — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Военной академии Генерального штаба (НИИ военной истории), специалист по проблемам национальной и международной безопасности.

незначительный вопрос военного строительства не решался военным ведомством без его санкции.

Именно сталинский режим повинен в том, что как раз накануне войны советские вооруженные силы фактически были обезглавлены. Кстати, Гитлер, принимая решение о непосредственной подготовке к нападению на СССР, особенно о сроках агрессии, придавал этому факту первостепенное значение. В январе 1941 г. на совещании с представителями командования вермахта он заявил: «Для разгрома России вопрос времени очень важен. Хотя русская армия является глиняным колоссом без головы, ее будущее развитие трудно предсказать. Так как Россия должна быть в любом случае разбитой, то сделать это лучше сейчас, когда русская армия не располагает руководителями...»².

Репрессии породили у командного состава страх, боязнь ответственности, а значит безынициативность, что не могло не отразиться на уровне управления и работе командных кадров. Это не осталось вне поля зрения германской разведки. Так, в «Сведениях о противнике на востоке» — очередной сводке от 12 июня 1941 г. — отмечалось: «Характерные черты русских: неповоротливость, шаблон, нерешительность и боязнь ответственности... Командиры всех звеньев на ближайшее время все еще являются неподходящими для умелого управления крупными современными соединениями. Они неспособны и вряд ли будут способны осуществлять крупные операции наступательной войны, быстро вступать в бой при благоприятной обстановке и действовать самостоятельно в рамках общей операции»³.

В связи с репрессиями, а главным образом из-за постоянной корректировки планов военного строительства политическим руководством страны в 1940–1941 гг. военному командованию приходилось принимать решения о расширении сети подготовки командно-начальствующего состава одновременно с началом организационных мероприятий, связанных с увеличением численности вооруженных сил, в том числе и командного состава. Это, с одной стороны, привело к огромному некомплекту командного состава. С другой стороны, на командные должности приходили люди с недостаточным опытом работы.

В ходе начатой в 1940 г. реорганизации вооруженных сил были допущены роковые просчеты, имевшие в буквальном смысле катастрофические последствия. Было предпринято

формирование большого количества новых соединений и частей с неоправданно большим числом основных видов военной техники. Создалась парадоксальная ситуация: при наличии почти 19 тыс. танков в Красной армии смогли укомплектовать ими полностью лишь один из 29 механизированных корпусов.

В 1940 г. советское военное командование отказалось от авиационных армий, подчинив основную часть боевой авиации (84,2 % всех самолетов) командованию общевойсковых объединений (фронтов и армий)⁴. Это привело к децентрализованному применению авиации, что противоречило общей тенденции развития этого высокоманевренного дальнебойного средства вооруженной борьбы. В вермахте, наоборот, вся авиация была организационно сведена в несколько крупных оперативно-стратегических объединений (в виде воздушных флотов), она не подчинялась общевойсковому командованию, а лишь взаимодействовала с наземными силами.

Многие ошибки в военном строительстве в СССР накануне войны вытекали из излишней приверженности к опыту боевых действий Красной армии в локальных конфликтах (Испания, поход советских войск в западные области Украины и Белоруссии), а также неспособности неопытного, слабо подготовленного в профессиональном отношении, к тому же лишеного самостоятельности военного руководства объективно оценить опыт большой войны, которую вермахт вел в Европе с сентября 1939 года.

Крупнейший просчет советское военно-политическое руководство допустило в соотношении средств вооруженной борьбы. Еще в 1928 г. при планировании первой пятилетки военного строительства приоритет был отдан созданию основных средств вооруженной борьбы — артиллерии, танкам, а также боевым самолетам. Основанием для этого послужил вывод: чтобы вести успешные операции, Красной армии для предполагаемого театра военных действий нужны высококомобильные и хорошо вооруженные подразделения (моторизованные стрелково-пулеметные части, усиленные крупными танковыми частями, вооруженными быстроходными танками и моторизованной артиллерией; крупные кавалерийские части, но, безусловно, усиленные броневыми /автоброневиками, быстроходными танками/ и огневыми средствами; крупные воздушно-десантные части). В принципе такое решение было правильным. Однако на каком-то этапе производство этих средств

приняло такие гипертрофированные размеры, что СССР не только сравнялся с основными своими вероятными противниками, но и значительно превзошел их. В частности, было налажено производство громадного количества так называемых «автострадных танков», которые выработали свой ресурс к еще к 1938 году. Их состояние, по оценке специалистов, «было ужасным». Большой частью они просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией и т. д., а большинство было к тому же разоружено. Запчасти отсутствовали, и ремонт производился только путем разуконплектования одних танков для восстановления других.

Были также допущены ошибки в порядке проведения реорганизации вооруженных сил. В первую очередь она осуществлялась в войсках приграничных военных округов, причем охватила их практически полностью. В результате значительная часть боеспособных, хорошо слаженных и укомплектованных соединений оказалась к началу войны расформированной.

Ввиду просчетов в определении необходимого и возможного числа соединений, а также ошибок в организационной структуре войск и по другим причинам основная часть намеченных мероприятий оказалась незавершенной, что крайне отрицательно сказалось на уровне боеспособности вооруженных сил в целом, но особенно танковых войск, авиации, воздушно-десантных войск, противотанковой артиллерии РК и войск укрепленных районов. Не полностью укомплектованные, они имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

В 1939–1940 гг. на присоединенные к СССР новые территории была передислоцирована основная часть советских войск, располагавшихся на западе. Это отрицательно повлияло на боеготовность и боеспособность тех частей и соединений, которым 22 июня 1941 г. пришлось вступить в сражение с германским агрессором. Дело в том, что передислокация нарушила планы мобилизации и стратегического развертывания советских войск на западе на случай войны, а разработку новых планов полностью завершить не удалось. Войска и штабы не смогли освоить их в достаточной степени.

По свидетельству маршала С. С. Бирюзова, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников предлагал К. Е. Ворошилову и И. В. Сталину оставить главные силы войск восточнее старой границы, на которой уже были построены хо-

рошо укрепленные рубежи обороны, а на новых территориях иметь лишь подвижные войска вместе с сильными инженерными частями заграждения. По мнению Шапошникова, в случае нападения агрессора они будут вести сдерживающие боевые действия от рубежа к рубежу, благодаря чему можно выиграть время для оттобилизования и создания группировок главных сил на линии старой границы⁵. Однако Сталин, считавший, что ни одной пяди своей земли не должно быть отдано врагу, а громить его следует на его же территории, отклонил это предложение. Он приказал главные силы войск сосредоточить в только что присоединенных районах, т. е. в непосредственной близости от границы с Германией.

Введенные на новые территории войска вынуждены были дислоцироваться на необорудованных театрах военных действий. К чему это привело, видно на примере авиации. Имевшиеся на новых территориях аэродромы лишь наполовину удовлетворяли потребности военно-воздушных сил западных военных округов, поэтому 40 % авиаполков базировалось по два на одном аэродроме, т. е. более чем по 120 самолетов на каждом, при норме два–три аэродрома на полк⁶. Печальные последствия известны: в условиях внезапного нападения вермахта огромное количество советских самолетов с первого налета было уничтожено на земле.

То обстоятельство, что в ходе войны с Финляндией Красной армии пришлось прорывать долговременную глубокую оборону, а на границах ряда европейских стран тоже были возведены мощные долговременные укрепления, послужило веским основанием для принятия советским руководством решения о возведении долговременных оборонительных рубежей вдоль новой западной границы. Это дорогостоящее мероприятие требовало огромного количества и сил, и средств, и времени. Ни того, ни другого, ни третьего у руководства СССР не оказалось. К началу войны была выполнена примерно четверть намеченных работ.

Возглавлявший в ту пору инженерные войска Красной армии А. Ф. Хренов вспоминал после войны, что он и заместитель народного комиссара обороны Б. М. Шапошников, которому было поручено руководить оборонительным строительством на границе, предлагали сначала построить не бетонные, а легкие полевые фортификационные сооружения. Это позволило бы как можно быстрее создать условия для ведения

устойчивой обороны, а уж потом постепенно строить более мощные бетонные сооружения⁷. Однако этот план был отвергнут. В итоге к июню 1941 г. намеченные работы были далеки от завершения: план строительства укреплений удалось выполнить лишь на 25 %⁸.

Помимо этого столь крупное предприятие имело и другие негативные последствия: значительные средства были отвлечены от таких важных мероприятий, как строительство дорог и аэродромов, создание необходимых условий для боевой учебы войск. Более того, недостаток рабочей силы и стремление к экономии средств вынудили в широких масштабах привлекать к строительству боевые части, что пагубно отразилось на их боеготовности⁹.

В отличие от вермахта, где самыми молодыми солдатами в действующей армии являлись призывники осени 1940 г., а рекруты весеннего призыва 1941 г. направлялись сначала в армию резерва, в Красной армии рядовые дополнительного весеннего призыва (апрель–май) 1941 г. были поставлены сразу же в строй. В войсках приграничных военных округов солдаты первого года службы составляли более двух третей всей численности рядовых, причем почти половина из них была призвана в 1941 г.

Оперативно-стратегические просчеты

К весне 1940 г. в результате присоединения к СССР новых территорий значительная часть советских войск сменила дислокацию. К этому времени советские вооруженные силы существенно увеличились. План их действий, принятый в 1938–1939 гг., полностью перестал соответствовать обстановке. Поэтому в Генеральном штабе к лету 1940 г. были разработаны основы нового плана. Уже в октябре этот план после некоторой доработки был одобрен политическим руководством страны. В феврале 1941 г., после завершения в Генеральном штабе мобилизационной части плана войны, в округах приступили к разработке своих мобилизационных планов. Завершить все планирование намечалось в мае. Однако ввиду продолжавшегося вплоть до 21 июня формирования новых соединений и непрекращавшейся перемещения войск планирование завершить не удалось.

Замыслы первых операций постоянно корректировались, однако в главном они с октября 1940 г. оставались неизменными.

Считалось, что Советскому Союзу «необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии»¹⁰. Допускалось также выступление на стороне фашистского блока и Турции. Основным театром военных действий признавался Западный, а главным противником — Германия. В последние месяцы перед войной ожидалось, что вместе с союзниками она развернет против СССР 230–240 дивизий, более 20,5 тыс. орудий, около 11 тыс. танков и свыше 11 тыс. самолетов всех типов. Предполагалось, что Япония выставит на востоке 50–60 дивизий, почти 9 тыс. орудий, более 1 тыс. танков и 3 тыс. самолетов¹¹.

Всего, таким образом, по оценке Генерального штаба, вероятные противники могли противопоставить Советскому Союзу 280–300 дивизий, примерно 30 тыс. орудий, 12 тыс. танков и 14–15 тыс. самолетов.

Первоначально начальник Генштаба Б. М. Шапошников предполагал, что главные силы немецкой армии для наступления будут развернуты к северу от устья реки Сан¹². Поэтому он предлагал главные силы Красной армии развернуть к северу от Полесья, чтобы перейти в наступление после отражения удара агрессора¹³.

Однако этот вариант не был принят новым руководством наркомата обороны. В сентябре 1940 г. Тимошенко и Мерецков, соглашаясь с тем, что Германия нанесет главный удар севернее реки Припять, все-таки считали, что основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором «главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска»¹⁴.

Все военное планирование в СССР начиная с 1920-х гг. основывалось на том, что Красная армия начнет военные действия в ответ на удар агрессора. При этом ее действия в начале войны и в последующих операциях мыслились только как наступательные¹⁵.

Идея ответного удара по-прежнему оставалась в силе и накануне войны. Она декларировалась политическими руководителями в открытых выступлениях. Она фигурировала и в закрытых источниках и находила место в обучении командного состава стратегического и оперативного звена. В частности, на проведенных в январе 1941 г. стратегических военных играх с руководящим составом фронтов и армий военные действия начинались с нанесения ударов западной стороной, т. е. противником.

Считалось, что и противник начнет свои действия с проведения операции вторжения, для чего он уже в мирное время в приграничной полосе будет располагать значительным количеством войск, насыщенных танками. В соответствии с этим и советское военное руководство накануне войны держало в приграничных районах наиболее сильные войска. Дислоцировавшиеся в них армии были полнее укомплектованы техникой, оружием и личным составом. Помимо стрелковых соединений они включали, как правило, по одному–два механизированных корпуса и по одной-две авиационные дивизии. К началу войны 20 из 29 механизированных корпусов Красной армии дислоцировались в западных приграничных военных округах.

После отражения первого удара противника и завершения развертывания советских войск на западе предполагалось перейти в решительное наступление с целью окончательного разгрома агрессора. Следует отметить, что советские военные специалисты давно считали юго-западное стратегическое направление наиболее выгодным для наступательных действий против Германии и ее союзников в Европе. Считалось, что нанесение главного удара из Белоруссии могло привести к затяжным боям и вряд ли сулило достижение решающих результатов в войне¹⁶. Поэтому-то в сентябре 1940 г. Тимошенко и Мерецков предлагали создать основную группировку войск к югу от Припяти.

В то же время руководство наркомата обороны, несомненно, знало точку зрения Сталина. Советский руководитель, определяя вероятное направление главного удара противника на западе, считал, что Германия будет стремиться в первую очередь захватить экономически развитые районы — Украину и Кавказ. Поэтому в октябре 1940 г. он приказал военным исходить из того, что главный удар германские войска нанесут из района Люблина на Киев.

Таким образом, достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск юго-западного направления, на котором предстояло развернуть более половины всех дивизий, предназначенных в состав фронтов на западе. В то время как на этом направлении предполагалось сосредоточить 120 дивизий, на северо-западном и западном — только 76.

Основные усилия фронтов сосредоточивались в армиях первого эшелона, главным образом за счет включения в них большей части по-

движных соединений для обеспечения сильного первоначального удара по противнику.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых операций были рассчитаны на полное отмобилизование армии, то они тесно увязывались с мобилизационным планом, последний вариант которого был принят в феврале 1941 г. Этим планом не предусматривалось формирование в ходе войны новых соединений. В основном исходили из того, что еще в мирное время будет создано необходимое для ее ведения количество соединений. Это упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и способствовало более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск.

В то же время значительная часть людских ресурсов должна была поступить из глубины страны. Это требовало значительного объема межокружных перевозок и привлечения большого количества транспортных средств¹⁷, которых было недостаточно. После изъятия из народного хозяйства максимально допустимого количества тракторов и автомобилей насыщение ими армии все равно составляло бы соответственно только 70 и 81 %. Мобилизационное развертывание войск не обеспечивалось и по целому ряду других материальных средств¹⁸.

Другая проблема заключалась в том, что из-за недостатка складских помещений в западных военных округах половина их запасов боеприпасов хранилась на территории внутренних военных округов, при этом треть — на удалении 500–700 км от границы. От 40 до 90 % запасов горючего западных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на гражданских нефтебазах в глубине страны.

Таким образом, недостаточность мобилизационных ресурсов в новых районах дислокации войск западных приграничных военных округов, ограниченные возможности наличных транспортных средств и коммуникаций усложняли мобилизацию и увеличивали ее сроки.

Своевременное развертывание войск с целью создания предусмотренных группировок, их планомерное отмобилизование ставились в прямую зависимость от организации надежного прикрытия. Задачи прикрытия возлагались на приграничные военные округа.

Согласно планам каждая армия получала для обороны полосу шириной от 80 до 160 км и более. В первом эшелоне армий должны были действовать стрелковые дивизии. Основу

армейского резерва составлял механизированный корпус, предназначенный для нанесения контрудара по противнику, прорвавшемуся в глубину обороны.

Передний край обороны на большинстве участков проходил в непосредственной близости от границы и совпадал с передним краем обороны укрепленных районов. Для батальонов второго эшелона полков, не говоря уже о частях и подразделениях второго эшелона дивизий, позиции заблаговременно не создавались.

Планы прикрытия были рассчитаны на наличие угрожаемого периода. Части, предназначенные для обороны непосредственно у границы, дислоцировались в 10–50 км от нее. Чтобы занять назначенные им участки, требовалось от 3 до 9 и более часов с момента объявления тревоги. Таким образом получалось, что при внезапном нападении противника, развернутого непосредственно у границы, о своевременном выходе советских войск на свои рубежи не могло быть и речи.

Имевшийся план прикрытия был рассчитан на способность политического и военного руководства своевременно вскрыть намерения агрессора и заранее принять меры к развертыванию войск, но он совершенно не предусматривал порядок действий войск в случае внезапного вторжения. Кстати, он не отрабатывался и на последних стратегических военных играх в январе 1941 г. Хотя «западные» нападали первыми, «восточные» начинали отработку действий с перехода в наступление или с нанесения контрударов на тех направлениях, где «западным» удалось вторгнуться на территорию «восточных». Характерно, что ни та ни другая стороны не отрабатывали вопросы отмотилизования, сосредоточения и развертывания, считавшиеся и действительно являвшиеся наиболее сложными, особенно в условиях, когда противник нападал первым¹⁹.

Таким образом, советский план войны строился на идее ответного удара с учетом только тех вооруженных сил, которые намечалось создать в перспективе, и не принималось во внимание реальное положение дел. От этого его составные части находились в противоречии друг с другом, что делало его нереальным.

В отличие от войск Германии и ее союзников, которые к моменту нападения на СССР находились в состоянии полной боевой готовности, группировка советских войск на западе оказалась не развернутой и не готовой к военным действиям.

Насколько точно докладывала разведка?

Знакомство ныне с данными разведки, поступавшими в первой половине 1941 г. в Кремль, создает впечатление, будто обстановка была предельно ясной. Кажется, Сталину оставалось только дать директиву Красной армии о приведении ее в полную боевую готовность к отражению агрессии. Он, однако, этого не сделал и, безусловно, это его роковой просчет, обусловивший трагедию 1941 г.

Однако на деле все обстояло гораздо сложнее.

В первую очередь необходимо ответить на следующий главный вопрос: могло ли советское руководство на основе информации, полученной, в частности, от военной разведки, предполагать, когда, где и какими силами Германия нанесет удар по СССР?

На вопрос «*когда?*» были получены достаточно точные ответы: *15 или 20 июня; между 20 и 25 июня; 21 или 22 июня, наконец — 22 июня*. В то же время сроки все время отодвигались и сопровождались различными оговорками. Это, по всей видимости, вызывало растущее раздражение Сталина. *21 июня* ему было доложено сообщение о том, что, «по достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года». На бланке донесения Сталин написал: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации и накажите его»²⁰.

С другой стороны, сведения о дате 22 июня хотя и были получены буквально накануне войны, тем не менее, могли бы сыграть существенную роль в повышении готовности Красной армии к отражению удара. Однако все попытки заранее занять позиции в приграничной полосе (предполье) жестко пресекались сверху. Известны, в частности, телеграммы Г. К. Жукова Военному совету и командующему КОВО с требованием отменить указание о занятии предполья полевыми и урвскими частями, поскольку «такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями». Жуков потребовал разобраться, «кто конкретно дал такое самочинное распоряжение». Поэтому в конечном счете получилось так, что, когда все же было принято решение о выдвигании войск по плану прикрытия, времени уже практически не оставалось. Командующим армиями ЗапОВО 22 июня только в 02:25–02:35 поступила директива, предписывавшая привести все части в боевую готовность,

занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, привести в боевую готовность противовоздушную оборону²¹.

На вопрос «где?» был получен неверный ответ. Хотя аналитики Разведуправления в начале июня пришли к выводу, что необходимо уделять особое внимание усилению немецких войск в Польше²², тем не менее это заключение терялось на фоне других сообщений разведки, которые опять указывали на угрозу с южного и юго-западного направлений. Это обусловило ошибочный вывод, что «немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего восточного фронта против СССР». Одновременно подчеркивалось, что «немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта... в то же время довольно быстро восстанавливает свою главную группировку на западе... имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов»²³.

На вопрос «какими силами?» можно сказать, что на 1 июня был получен более или менее правильный ответ — 120–122 немецких дивизии, включая четырнадцать танковых и тринадцать моторизованных²⁴. Однако этот вывод терялся на фоне другого вывода о том, что почти такое же количество дивизий (122–126) было развернуто против Англии²⁵.

Хорошо известно недоверие Сталина к донесениям разведки, некоторые даже приписывают этому недоверию «маниакальный характер». Но надо учитывать и то, что Сталин находился под влиянием целого ряда других взаимно противоречивых и порой даже взаимоисключающих факторов международной политики.

Факторы международной политики

Внешнеполитические условия для СССР весной и летом 1941 г. складывались крайне неблагоприятно. Хотя заключение договора о нейтралитете с Японией упрочило положение на дальневосточных рубежах СССР, однако попытки улучшить отношения с такими странами, как Финляндия, Румыния, Болгария или хотя бы не допустить их участия в блоке фашистских государств успеха не имели.

Вторжение немцев 6 апреля 1941 г. в Югославию, с которой СССР только что подписал

договор о дружбе и ненападении, явилось последним ударом по советской балканской политике. Сталину стало ясно, что дипломатическое противоборство с Германией проиграно, что отныне господствующий в Европе почти повсеместно Третий рейх не намерен считаться со своим восточным соседом. Оставалась одна надежда: отодвинуть сроки теперь уже неизбежной германской агрессии.

Оставляли желать лучшего и отношения СССР с Великобританией и США. Военные поражения на Ближнем Востоке и на Балканах весной 1941 г. привели Англию на грань полного «стратегического краха»²⁶. В такой ситуации, полагал Сталин, правительство Черчилля сделает все, что в его силах, лишь бы спровоцировать войну рейха против СССР.

К тому же произошел ряд важных событий, укрепивших эти подозрения Сталина. 18 апреля 1941 г. посол Великобритании в СССР Р. Криппс вручил советскому наркому иностранных дел меморандум, в котором говорилось, что в случае затягивания войны на длительный срок определенным кругам в Англии может «улыбнуться мысль» об окончании войны с рейхом на германских условиях. И тогда немцам откроется неограниченный простор для экспансии в восточном направлении. Криппс не исключал, что подобная идея может найти последователей и в США²⁷. Этот документ явно предупреждал советское руководство, что возможен такой поворот событий, когда СССР окажется в одиночестве перед угрозой фашистского нашествия.

Советское руководство восприняло его как намек на возможность нового антисоветского сговора «мирового империализма» против СССР. Надо отметить, что в Англии были круги, ратовавшие за мирные переговоры с Германией. Прогерманские настроения были особенно характерны для так называемой кливлендской клики, возглавляемой герцогом Гамильтоном.

Настороженность Кремля еще более возросла, когда на следующий день, 19 апреля, Криппс передал Молотову письмо английского премьер-министра, написанное еще 3 апреля и адресованное лично Сталину. Черчилль писал, что, по мнению британского правительства, Германия готовится совершить нападение на Советский Союз. «Я располагаю достоверными сведениями... — продолжал он, — что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, т. е. после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых

дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта»²⁸.

Эти два сообщения, совпавшие по времени, уже давали повод Сталину рассматривать происходящее как провокацию.

Но затем произошло еще одно событие. 10 мая ближайший соратник Гитлера, его заместитель по партии Рудольф Гесс на самолете «Me-110» перелетел в Англию.

По-видимому, целью Гесса было заключение «компромиссного мира», чтобы приостановить истощение Англии и Германии и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи. Гесс считал, что его прилет придаст силы сильной античерчилльской партии и даст мощный стимул «в борьбе за заключение мира».

Однако предложения Гесса были неприемлемы в первую очередь для самого Черчилля и поэтому не могли быть приняты. В то же время английское правительство никаких официальных заявлений не делало и хранило загадочное молчание.

Молчание официального Лондона по поводу Гесса давало Сталину дополнительную пищу для размышлений. Разведка неоднократно докладывала ему о стремлении правящих кругов Лондона сблизиться с Германией и одновременно столкнуть ее с СССР, чтобы отвести угрозу от Британской империи. В июне англичане неоднократно передавали советскому послу в Лондоне Майскому сведения о подготовке немцев к нападению на СССР. Однако в Кремле все это однозначно расценивалось как стремление Англии втянуть Советский Союз в войну с Третьим рейхом. Сталин искренне полагал, что правительство Черчилля хочет, чтобы СССР приступил к развертыванию войсковых группировок в приграничных районах и тем самым спровоцировал нападение Германии на Советский Союз.

Несомненно, большую роль играли мероприятия германского командования по имитации военных приготовлений против Англии. С другой стороны, немецкие солдаты активно строили оборонительные сооружения вдоль советских границ — это фиксировала советская приграничная войсковая разведка, но это же было частью дезинформационных мероприятий германского командования. Но самое главное, что вводило советское руководство в заблуждение, — это сведения об ультиматуме, кото-

рый якобы германское руководство собиралось предъявить СССР перед нападением. На самом деле идея предъявления ультиматума СССР никогда не обсуждалась в окружении Гитлера как реальное немецкое намерение, а была лишь частью дезинформационных мероприятий. К сожалению, она дошла до Москвы из источников в том числе внешней разведки («Старшина», «Корсиканец»), обычно дававших серьезную информацию²⁹. Эта же дезинформация поступала от известного агента-двойника О. Берлингса («Лицеист»)³⁰. Тем не менее идея «ультиматума» очень хорошо вписывалась в концепцию Сталина–Молотова о возможности путем переговоров (их Молотов назвал «большой игрой») отвести угрозу нападения летом 1941 года.

В целом, советской разведке удалось определить сроки нападения. Однако Сталин, боясь спровоцировать Гитлера, не позволил проводить все необходимые оперативно-стратегические мероприятия, хотя руководство Наркомата обороны просило его об этом за несколько дней до начала войны³¹. Кроме этого, советское руководство оказалось в плену тонкой дезинформационной игры немцев. В результате, когда необходимые распоряжения все же были отданы, не хватило времени, чтобы привести войска в полную боевую готовность и организовать отпор германскому вторжению.

Июнь: завтра была война

В июне стало совершенно ясно: следует ожидать нападения Германии в ближайшее время, и оно будет произведено внезапно и скорее всего уже без выдвижения каких-либо предварительных требований. Необходимо было принимать контрмеры, и они принимались. Проводились мероприятия по сокращению сроков приведения в боевую готовность частей прикрытия, выделяемых для поддержки погранвойск. Кроме этого, в приграничные округа продолжалась переброска дополнительных соединений: 16-й армии — в КОВО, 22-й армии — в ЗапОВО. Однако стратегическая ошибка заключалась в том, что эти меры запоздали. К 22 июня смогла прибыть только часть из перебрасываемых сил и средств. Из Забайкалья и Приморья с 26 апреля по 22 июня удалось отправить только примерно половину запланированных сил и средств: 5 дивизий (2 стрелковых, 2 танковых, 1 моторизованную), 2 воздушно-десантные бригады, 2 отдельных полка. При этом основное усиление шло опять на юго-западном направлении: в КОВО

сосредоточивались 23 дивизии, в ЗапОВО — 9. Это было следствием неверной оценки направления главного удара немцев.

Одновременно по-прежнему войскам категорически запрещалось занимать боевые позиции в приграничной полосе. Фактически полностью боеготовыми на момент нападения оказались только пограничники, которые несли службу в усиленном режиме. Но их было слишком мало и их ожесточенное сопротивление было быстро подавлено.

По признанию Г. К. Жукова, советские Вооруженные Силы не могли «по своей слабости» в начале войны отразить массированные удары германских войск и не допустить их глубокого прорыва³². В то же время, если бы удалось определить направление главного удара и группировку немецких войск, последним пришлось бы столкнуться с гораздо более сильным сопротивлением при прорыве советской обороны. К сожалению, как свидетельствуют документы, имевшаяся разведывательная информация не позволила сделать это. Решающую роль сыграла также заданность оперативно-стратегического мышления советского командования и точка зрения Сталина, что основной удар следует ожидать на Украине.

Фактически только на пятые сутки войны советское командование пришло к окончательному выводу, что главный удар немцы нанесли на западном, а не на юго-западном направлении. Жуков в своих мемуарах пишет: «... Пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении»³³. При этом, как пишет Жуков, «железнодорожные перевозки наших войск по ряду причин осуществлялись с перебоями. Прибывающие войска зачастую вводились в дело без полного сосредоточения, что отрицательно сказывалось

на политико-моральном состоянии частей и их боевой устойчивости»³⁴.

Таким образом, оценивая деятельность военно-политического руководства СССР накануне войны, следует отметить, что оно допустило ряд просчетов, имевших трагические последствия.

В первую очередь, это просчет в определении направления главного удара вермахта. Во-вторых, затягивание сроков приведения войск в полную боевую готовность. В итоге планирование оказалось нереальным, а проводимые накануне мероприятия — запоздалыми. Уже в ходе военных действий выявился еще один просчет: совершенно не предусматривались действия войск в случае глубокого стратегического прорыва противника, не планировалась и оборона в стратегическом масштабе. А просчет в выборе рубежа обороны у западных границ во многом обеспечил противнику внезапное нападение на войска первого оперативного эшелона, которые чаще всего дислоцировались на значительно большем расстоянии от намеченных для обороны рубежей, чем противник.

Предпринимая меры по повышению боевой готовности войск, военное и политическое руководство СССР, опасаясь спровоцировать Гитлера, не сделало главного: своевременно не привело в полную боевую готовность предназначенные для отражения первого удара противника войска прикрытия, которые находились в более укомплектованном состоянии. Несмотря на маниакальную боязнь Сталина спровоцировать Гитлера, как показали дальнейшие события (выступление Гитлера 22 июня), нацистское руководство все равно обвинило СССР в том, что советские войска «вероломно» атаковали части вермахта и последний «был вынужден» нанести ответный удар.

Ошибки, допущенные в оперативном планировании (определение направления главного удара противника, создание группировки войск, особенно второго стратегического эшелона и др.), пришлось срочным порядком исправлять уже в ходе боевых действий.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. С. 61. Учтены все боевые машины, числившиеся в Красной армии и ВМФ, включая небоеготовые.

² Fall Barbarossa. Op. cit. S. 147.

³ ЦА МО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1262. Л. 426.

⁴ Подсчитано по: ЦА МО. Ф. 35. Оп. 21883. Д. 4. Л. 251. См.: Великая Отечественная война. Кн. 1. М., 1999. С. 85.

⁵ См.: Бирюзов С. С. Суровые годы. М., 1966. С. 17–18.

⁶ Великая Отечественная война. Кн. 1. М., 1999. С. 86.

- ⁷ См.: Хренов А. Ф. Мосты к победе. М., 1982. С. 67.
- ⁸ См.: Инженерные войска Советской Армии, 1918–1945. М., 1985. С. 187.
- ⁹ РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 156. Л. 167; Д. 54. Л. 504, 201; Ф. 51. Оп. 3. Д. 504. Л. 1–11; Д. 527. Л. 1–12.
- ¹⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 198.
- ¹¹ Там же. Д. 241. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 14.
- ¹⁴ Там же. Л. 212.
- ¹⁵ Великая Отечественная война. Указ. соч. Кн. 1. М., 1999. С. 106.
- ¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 241. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 29. Л. 344, 345, 396.
- ¹⁸ Великая Отечественная война. Указ. соч. Кн. 1. С. 110.
- ¹⁹ Там же. С. 111.
- ²⁰ См.: Ивашутин П. И. Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. №5. С. 57. Известна также грубая реакция Сталина на сообщение источника разведки НКГБ «Корсиканца» от 17 июня 1941 г. о завершении подготовки Германии к нападению на СССР и о том, что «удар можно ожидать в любое время». См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 382.
- ²¹ См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 423.
- ²² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Лл. 120–121.
- ²³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Лл. 114–116.
- ²⁴ Там же. По данным Гальдера, в немецкой группировке против СССР насчитывалось 14 моторизованных и 19 танковых дивизий. См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Указ. соч. Т. 2. С. 582–583.
- ²⁵ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Лл. 114–116.
- ²⁶ См.: Burns J. M. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970. P. 77.
- ²⁷ См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 91–96.
- ²⁸ Churchill W. The Second World War. London, 1950. Vol. 3. P. 320.
- ²⁹ См.: 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 150–151, 180.
- ³⁰ Там же. С. 259.
- ³¹ См.: Из неопубликованных воспоминаний маршала Советского Союза Г. К. Жукова // 1941 год. Указ. соч. Кн. 2. С. 501.
- ³² Там же. С. 502.
- ³³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 227.
- ³⁴ Там же. С. 294.